

УДК 904(470.51)

Н. И. Шутова

**СВЯТИЛИЩЕ ГЕРБЕРВЁСЬ (ГУБЕРВЁСЬ)
СЕВЕРНЫХ (ГЛАЗОВСКИХ) УДМУРТОВ:
ЭТИМОЛОГИЯ ТЕРМИНА, ИСТОРИЯ
СУЩЕСТВОВАНИЯ, МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ,
ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТАТУС**

Статья посвящена истории функционирования общественного святилища северных (глазовских) удмуртов Гербервёсь/Губервёсь. Отмечено существование двух капищ средневековых удмуртов на берегах р. Вятки: первое располагалось на площадке Вятского городища, в черте современного г. Кирова, и было перенесено в северо-восточном направлении в окрестности дд. Омсино и Красногорье (Слободской р-н Кировской области); второе было устроено на Никульчинском (Чудь-Болванском) городище, выполняло функции племенного капища и своеобразной «обсерватории» для местного населения. Здесь могли проводиться крупные аграрные моления в честь божества Му-Кылчина. После взятия Чудь-Болванского городка святилище было перемещено удмуртами в восточном направлении первоначально в низовья р. Убыти, в окрестности современного г. Глазова, а затем в верховья рек Убыти и Парзи, в окрестности поселения Парзинский Учхоз. В научной литературе это капище получило известность как Губервёсь (губернское моление). В ходе перемещения на новые места святилище сохранило статус общественной святыни северных (глазовских) удмуртов, однако его роль как обсерватории была утеряна. Прослежены этапы и способы ликвидации капища в процессе христианизации северных удмуртов, борьбы с традиционными обрядами и культами. Высказана версия о правильном названии капища Гербервёсь, означавшего место крупных аграрных молений в летний праздник Гербер, посвящённых завершению сева. Приведены аргументы в пользу такой интерпретации этимологии термина.

Ключевые слова: Никульчинское городище, средневековое капище, северные удмурты, река Чепца, святилище Губервёсь/Гербервёсь, общественный статус, христианизация, ликвидация капища.

В исторических источниках кон. XIX – нач. XX в. встречаются сведения о существовании крупного общественного капища северных (глазовских) удмуртов Губервёсь, информация о котором нами уже приводилась в предыдущих публикациях [Шутова 2001, 28–29, 34–35]. В последние годы проведены дополнительные исследования по выявлению и обследованию мест локализации это-

го святилища*, собраны новые историко-этнографические данные по истории его функционирования. Обобщению и систематизации всех имеющихся материалов по святилищу посвящена данная статья.

Предыстория проблемы. Судя по данным «Повести о стране Вятской» и удмуртским преданиям, на берегу Вятки располагались общеплеменные святилища удмуртов «племени Ватка», при этом упоминается об их локализации в двух местах [Гаврилов 1880, 152; Спицын 1893, 179; Повесть о стране Вятской 1905, 28–36; и др.]. Первое местоположение связывают с площадкой древнеудмуртского поселения, а именно: с Вятским городищем, устроенном на мысу, образованным высоким левым берегом Вятки (высота 33–36 м) на востоке, и Раздерихинским оврагом – на севере. С напольной, западной и южной сторон площадка была защищена земляным валом и рвом. Ров городища переходил в Раздерихинский овраг. В 1840 г. при разбивке и планировке городского сада его засыпали. Остатки древнего вала в виде серпообразного всхолмления просматривались в южной части сада. Это возвышение состоит из пластов искусственно насыпанной глины мощностью 1,7–1,8 м [Гуссаковский 1999, 33, 36]. Территория Вятского городища не застроена, располагается в центре г. Кирова (прежние наименования г. Хлынов /Вятка), в черте современного Александровского сада (бывший сад им. Степана Халтурина).

По результатам археологических изысканий, культурный слой Вятского городища оказался сильно разрушенным вследствие разного рода земляных работ. Тем не менее, на ряде участков Л. П. Гуссаковскому удалось проследить нижний дорусский (древнеудмуртский) слой XI–XIII вв. толщиной 5–15 см; обнаруженный в нём вещевой материал имел смешанный характер. Он содержал единичные древнеудмуртские предметы: фрагменты серой лепной керамики с примесью раковины, бронзовую обойму от рукояти ножа, бронзовую копоушку, а также находки древнерусского происхождения: амулеты в форме ложки, бронзовую пряжку, калачевидное кресало, фрагменты гончарной керамики, железные ключи от трубчатых замков [Гуссаковский 1999, 33–35]. Перечисленные древнерусские предметы, относящиеся к XI–XIII вв., встречаются на восточных чепецких памятниках и свидетельствуют о широких торговых и культурных связях северных удмуртов с Русским государством. По мнению А. Г. Иванова, часть этих предметов (калачевидные кресала, гончарная посуда, ключи и замки) имела широкое распространение на территории Восточной Европы и в значительной мере потеряла чёткую этническую привязку [Иванов 1998, 156–166, рис. 71–72]. Археолог Л. П. Гуссаковский отождествил Вятское городище с центральным поселением удмуртского «племени Ватка», на котором была построена сакральная постройка Великая куала. Ученый предполагал, что это городище было взято русскими на рубеже XII–XIII вв. [Гуссаковский 1999, 33, 36]. По мнению А. Г. Балыбердина, площадка Вятского городища служила для наблюдения за солнцем в течение всего года от 22 декабря (день зимнего солнцестояния) до 22 июня (день летнего солнцестоя-

* Проведение исследований было актуализировано беседами и изысканиями глазковского краеведа Татьяны Константиновны Поздеевой. Она оказала большую помощь автору и в определении местоположения капища в низовьях Убыти и в верховьях Парзи.

ния). Это позволяло вычислять сроки проведения земледельческих работ. На культовом центре, располагавшемся на оконечности памятника, совершались приуроченные к важным датам солярного цикла календарные религиозные обряды и гуляния. Как пережиток языческого прошлого вятчан, вплоть до начала XIX в., на этом месте проводился разудалый народный праздник Свистопляска [подробнее: Балыбердин 2016, 77–82].

В 2010 г. нами проведён осмотр площадки Вятского городища для определения места локализации Великой куалы. Наиболее вероятным является участок вблизи склона оврага, вдоль Раздерихинского оврага, по дну которого проходит улица Слободской спуск. Там ещё сохранились старые деревья: берёзы с искривленными или сдвоенными стволами. Это место располагается немного юго-западнее береговой ротонды. Косвенным свидетельством существования здесь святилища служит тот факт, что площадка памятника не использовалась для возведения жилых сооружений, несмотря на плотную застройку окружающей Вятское городище территории. Ранее нам уже приходилось писать, что площадки многих городищ Вятского региона (Вятское, Никульчинское, Лебяжское, Шевнинское и др.) оставались свободными от построек, а все жилые и производственные строения окружавшего их поселения располагались за их пределами. Это вполне закономерно, поскольку большинство средневековых городищ, как правило, были культовыми центрами для местной сельской округи; на них совершались религиозные обряды, хранились священные принадлежности. Вследствие этих причин, длительное время после прекращения жизни на городищах они оставались объектами почитания окрестного населения вне зависимости от их этнической и конфессиональной принадлежности [Шутова, Сенникова 2008, 302]. К тому же такие места, как правило, считались «нечистыми», нежелательными и опасными местами для возведения жилищ.

Как правило, возле культовых центров ставили христианские храмы и часовни. Так, в начале Раздерихинского оврага была выстроена часовня, а вблизи городища в 1574 г. возведена деревянная церковь, освящённая во имя св. мученицы Параскевы Пятницы. В храме хранилась местночтимая икона св. мученицы Параскевы, от неё происходили чудеса. Она была излюбленным местом молитвы св. блаженного Прокопия Вятского, Христа ради юродивого. Деревянное строение неоднократно горело. Наконец в 1712 г. была построена каменная церковь с двумя престолами: главная была освящена в честь Сретения Господня, а придел – во имя св. Параскевы Пятницы. В 1936 г. церковь была разобрана [подробнее: Балыбердин 2016, 77–82: Пятницкая церковь в Вятке].

Существует несколько вариантов удмуртских преданий о дальнейшей судьбе вятского святилища. Суть их состояла в том, что удмуртское поселение с общественной куалой было разрушено, а капище неоднократно переносили и, наконец, разместили его в глубине леса в окрестностях дд. Омсино – Красногорье (совр. Слободской р-н Кировской обл.). Это святилище Имма/Инма*,

* *Инма/Имма* означает небесный (*ин/инм* ‘небо, небесный’), *вожсуд* – семейно-родовое божество.

а обрядовая церемония, проводимая на этом месте, называется *Инмала-ветлон* (букв.: ‘хождение в *Инма*’)* [подробнее: Шутова 2001, 29–34; 2011, 119–130].

Второе общественное (племенное) капище средневековых удмуртов находилось на площадке Чудь-Болванского (Микульчинского/Никульчинского) городка на высоком правом берегу Вятки в 5 верстах ниже устья Чепцы (ныне Слободской р-н Кировской обл.). Площадка памятника с севера и северо-запада ограничена глубоким оврагом; с востока – высоким коренным берегом Вятки. С напольной стороны сохранились остатки мощной оборонительной системы, состоящей из двух валов и глубокого рва. В северной части городища прослежен еще один сильно заплывший вал, ограничивающий мысовую часть площадки «малое городище». Здесь стояли языческие идолы (болваны) из дерева или камня. Как свидетельствует вятская «Повесть», новгородцы, прибегнув к хитрости и помощи «святых страстотерпцев Бориса и Глеба», взяли приступом Чудь-Болванский городок и побили множество “чуди-отяков” (т. е. средневековых удмуртов и коми). В благодарность высшим силам за оказанную помощь новые обитатели построили за валом захваченного городища Борисоглебскую церковь [Гаврилов 1888, 152; Спицын 1893, 179; Повесть о стране Вятской 1905, 28–36; Низов 1995, 119–125].

С сожалением приходится констатировать, что выявленные при раскопках Никульчинского городища материалы до сих пор не опубликованы. Однако, судя по имеющимся археологическим отчетам Л. Д. Макарова, о происходящих на городище событиях свидетельствуют следы множества ям и углистых пятен, прокалов, находки кальцинированных и обожженных костей [Макаров 1979, 1981]. Обнаруженные остатки указывают на разжигание здесь ритуальных костров в языческое время, а также на сражения и пожары, которые сопровождали взятие городка. Однако самые ранние слои культурного слоя, относящиеся к ананьинскому и средневековому (древнеудмуртскому) периоду, оказались основательно разрушенными более поздними напластованиями, глубокой распашкой и перекопами. Следует отметить, что слабый культурный слой на Вятском и Никульчинском городищах явление вполне закономерное. Как свидетельствуют археологические и этнографические данные, городища-святилища не использовались рядовым населением для постоянного проживания. Лишь на его площадке или вблизи него могло располагаться жилище жреца-*вёсясь* или хранителя-*утись*.

В последние годы исследованием статуса средневекового Никульчинского городища и событий, связанных с его взятием русскими, занимался историк, протоиерей А. Г. Балыбердин. Он обратил внимание на то, «что даже через пять и более столетий о взятии новгородцами Болванского городка помнили жители не только Никулицкой округи, но также и в Хлынове, и Котельниче – по всей Средней Вятке» [Балыбердин 2014, 28–29]. Проанализировав и сопоставив письменные источники, археологические данные, геодезические характеристики памятника и устные предания о нём, исследователь высказал гипотезу об особом статусе Болванского городка среди нерусских поселений Средней Вятки. А. Г. Балыбердин определил его не только как городище-святилище, большой

* *Инмала/иммала ветлон* – обряд посещения святилища *Инма* (*ин/инм* ‘небесный’ + суффикс *ла*, направит. падеж; *ветлон* ‘хождение, посещение’; букв. хождение, посещение небесной земли).

культурный центр местных племен, но и как древнюю «обсерваторию», которая играла важную роль в системе хозяйствования удмуртов и которая позволяла согласовывать этапы сельскохозяйственных работ с важнейшими датами солярного цикла. По мнению историка, аналогичные функции могли выполнять и другие городища Вятского края – Вятское, Орловское [Балыбердин 2014, 30–46].

По аналогии с другими древними святилищами-обсерваториями Камско-Вятского региона [Останина 2001–2002, 28–30, 34; 2004, 83–86] можно полагать, что упоминаемые в русских источниках деревянные и каменные идолы (болваны) служили не столько символом почитаемого божества, сколько являлись реперными точками для исчисления азимутов восхода и захода солнца. Важной догадкой А. Г. Балыбердина является предположение о проведении на площадке Никульчинского городища больших общественных жертвоприношений в честь божества плодородия Му-Кылчина на основании созвучия названия городища Микульчино и теонима Му-Кылчин [Балыбердин 2014, 40–41]. И, действительно, к божеству Кылдысину /Му-Кылчину, наряду с Инмаром, были обращены моления, просьбы и жертвенные приношения во время крупных религиозных празднеств об урожае и плодородии скота, проводимых в период летнего солнцестояния в конце июня – середине июля (в поздней традиции – между Троицей и Петровым днём). На племенных/территориальных капищах (Куриьскон завятских удмуртов, Инма слободских, Булдавось южных удмуртов и др.) такие моления длились от трех дней до недели; по ночам на капище оставалась группа жрецов. Здесь приносилось в жертву огромное количество животных и птиц, собиралось много людей не только из ближних селений, но и из отдаленных территорий. Вместе с тем следует отметить, что общественные благодарственные моления проводились также и ближе ко дню осеннего равноденствия 22 сентября, до и после уборки урожая, а в поздней версии – до праздника Покрова Пресвятой Богородицы. Как полагает А. Г. Балыбердин, именно во время проведения таких осенних благодарственных молений (24 июля по ст. ст.) перед уборкой зерновых и произошло взятие русскими городка [Балыбердин 2014, 40, 44–45].

После падения Чудь-Болванского/Никульчинского городка его обитатели (средневековые удмурты) переместили своё общественное капище со всеми святынями (в том числе идолом/идолами?) в восточном направлении. Предполагаемые пути его перемещения можно наметить по карте старых дорог. По А. Г. Иванову, дорога из г. Вятки в сторону г. Перми сначала шла по правому берегу Вятки, пролегла мимо Никульчинского городища, затем переходила на левый берег Вятки на «Каринском» перевозе и далее шла по правому высокому берегу вдоль р. Чепцы на восток, в направлении г. Глазова [Иванов 2001, 100–101]. На карте Вятской губ. пер. пол. XIX в. дорога в восточном направлении пролегла по правому берегу Чепцы, затем в районе впадения в р. Чепцу её левого притока Лекмы она переходила на левый берег Чепцы [Луппов 1911, карта]. Можно полагать, что по этому пути с Вятского городища в северо-восточном направлении была перенесена святыня капища Инма-вожшуда. Возможно, в старину имелся путь от Вятки и по левому берегу Чепцы, ибо из г. Хлынова в с. Ильинское (ныне Кирово-Чепецкий р-н Кировской обл.) пролегла дорога с переправой через р. Вятку напротив Никульчинского городища, к которой спустились по

оврагу [Балыбердин 2014, 30]. Ныне шоссейная и железная дороги от г. Кирова до г. Перми через Глазов тоже пролегают по левому берегу Чепцы. По которому из них перенесли святыню с Никульчинского городища, неизвестно, однако в последующем исторические источники фиксируют место его локализации как капище Губервось на левобережье Чепцы, в низовьях его левого притока Убыти.

Этимология понятия Губервось. Православные миссионеры и дореволюционные исследователи не давали объяснений относительно этимологии термина «Губервось»; очевидно, оно считалось само собой разумеющимся. Лишь Н. Г. Первухин отметил, что названием Губервось означали место «общественного народного» или «общеудмуртского» капища – Великую куалу, сожжённую русскими при покорении Вятки и перенесённую на среднюю Чепцу [Первухин 1888, I, 26; II, 4, 7]. В научной литературе вслед за В. Е. Владыкиным повсеместно утвердилась традиция рассматривать слово Губервось как губернское моление (*губер* ‘губерния’, *вось* ‘моление’) [Владыкин 1994, 273]. Однако подобное определение, первая часть которого является поздним русским заимствованием от слова «губерния», выглядит не совсем логичной по следующим соображениям. Во-первых, в удмуртском языке не зафиксировано бытование термина *губер*, русское слово *губерния* звучит как *губерня*, следовательно, моление бы называли Губернявось (устн. сообщ. лингвиста С. А. Максимова). Во-вторых, содержание и масштаб святилища Губервось не соответствует его губернскому статусу. На эти моления не собирались представители удмуртов всей Вятской губернии. Общественная значимость святыни ограничивалась этнотерриториальной группой преимущественно среднечепецкого (глазовского) населения Чепецкого бассейна, хотя не исключается спорадическое участие в них нижнечепецких и верхнечепецких групп населения. При этом ближайшие к глазовским нижнечепецкие удмурты-ватка (совр. Слободской и Унинский р-ны Кировской обл.) имели своё общественное капище Инма, а верхнечепецкие – Великую куалу рода Пурга. На наш взгляд, вполне правдоподобно выглядит происхождение названия капища от термина Гербервось (*гербер* ‘после плуга’, *вось* ‘моление’) – больших общественных празднеств об урожае, проводимых на капище после завершения посевной. Интересно, что в д. Коротаево Глазовского р-на УР (свидетельство Анны Михайловны Мироновой, 1918 г. р.) при проведении летних молений Гербер с жертвоприношением бычка на капище Восьясконни жрец с возгласами «Гербер! Гербер!» новым венником опрыскивал священное место и всех участников церемонии чистой водой [Карпова 2005, 159–160]. Обычай окропления водой либо имеет древние традиции, либо копирует православное водосвятие. Позднее термин Гербервось мог быть искажён писавшими о нём православными священниками на более близкое и понятное им Губервось (‘губернское моление’). Справедливости ради отметим, что иногда крупные моления могли быть организованы и позднее, в кон. июля – нач. августа (Покчи гербер ‘малый гербер’). Возможно, поэтому в публикации Н. Г. Первухина вскользь упоминается, что моления на Губервось проводились осенью [Первухин 1888, II, 8]. Как полагает А. Г. Балыбердин, на Никульчинском городище жертвоприношения проводились в периоды летнего солнцестояния, после завершения посевной, и осенью – перед сбором урожая [Балыбердин 2014, 40–44]. Несмотря

на существование некоторых противоречий, приведенные соображения позволяют склоняться к трактовке первоначального значения капища как Гербервось, хотя в научной литературе повсеместно фигурирует название Губервось.

История святилища Гербервось (Губервось). По преданию, после разрушения вятской Великой куалы удмурты выбрали в окружающих Хлынов лесах поляну, на ней рассыпали пепел и угли от старого капища и построили новую куалу. К сожалению, точное местоположение этой поляны нам уже не удастся определить. Но затем на молении предназначенный в жертву бык, уже раненный, убежал. Люди погнались за ним и обнаружили его на лесном островке среди болот в нижнем течении р. Убыти. Здесь его и принесли в жертву. Увидев в этом предзнаменование, на это же место перенесли часть пепла и золы с очага вятского святилища [Первухин 1888, II, 6–8]. Место локализации святилища на левобережье Чепцы, в низовьях его левого притока Убыти, а также последующие этапы его функционирования до нач. XIX в., когда началась активная христианизация северных удмуртов, нам известны по свидетельству православных миссионеров.

По характеристике М. С. Фармаковского (1833–1881 гг.), глазовские удмурты до 1830-х гг. были слабо воцерковлёнными: «Вотяки [удмурты] этого времени, за самым ничтожным исключением, были христианами только по имени, а на самом деле почти поголовно язычники. Всё, что сохранилось из преданий некрещеной старины, содержимо было ими во всей строгости. Идолы стояли открыто на площадках, кереметища почитались со всею строгостию, как неприступное обиталище божества; воршуды, как святыня, имелись не только в каждой деревне, но и в каждом почти доме; мольбища вотския [удмуртские], по всем требованиям язычества, отправлялись неопустительно и строго, обязанности христианина выполнялись поневоле, из принуждения» [Фармаковский 1879, 516]. Главными пунктами народных сборищ язычников являлись деревни Глазгурт (ныне г. Глазов) и Донда. Глазгурт был главным пунктом и средоточием идолопоклонства [Фармаковский 1879, 509].

Этот же автор писал о капище Губервось: «В четырех верстах от Глазова, неподалеку от деревни Сычинской [д. Сыга Глазовского р-на УР, ныне вошла в состав г. Глазова], на самой большой дороге стоял истукан, которого русские называли болваном»; «Порзинские вотяки [удмурты верховьев р. Парзи] в прежние годы состояли приходом к Глазовскому собору и вместе с глазовскими вотяками [удмуртами] участвовали в мольбищах и жертвоприношениях идолу Губер-вось, красовавшемуся на большой дороге вблизи уездного города. Идол этот пользовался особым уважением в вотской [удмуртской] среде: на поклонение ему вотяки [удмурты] собирались из разных, иногда довольно отдаленных, местностей, а вотяки [удмурты] местные благоговели пред ним» [Фармаковский 1879, 517].

По сведениям Н. Г. Первухина, удмурты разместили священное место на округлой поляне в глухом лесу посреди болота, на высоком и сухом месте правого берега р. Убыти, в 5 верстах от ее впадения в Чепцу, в 100 саженьях от существовавшего в кон. XIX в. моста через р. Убыть по Вятско-Глазовскому тракту (ныне Глазовский р-н УР). Местность эта представляла в те времена «болотистое пространство, поросшее довольно высокою хвойною и лиственною

зарослью, а посередине и целым небольшим леском. Лесок этот ... растет на более высоком, а потому сухом месте и составляет собою ... ограду довольно значительной кругловатой поляны» [Первухин 1888, II, 6–7]. Добираться до святилища было очень трудно, а в дождливые годы почти невозможно, так как оно со всех сторон было окружено вязким и топким болотом. Поэтому из сучьев и досок стелили тропинку через болото, направление этой тропинки от края болота до священной поляны каждый раз менялось. Сюда, как и в хлыновскую Великую куалу, собирались осенью один раз в три года, и к этому времени каждый раз мостили новую тропинку. По рассказам старожилов, в дни молений на это место съезжались несколько тысяч людей из разных уездов бывшей Вятской губернии [Первухин 1888, II, 6–7].

Место моления Губервось возле д. Нижней Убыти осмотрено автором в сопровождении глазовских краеведов Т. К. Поздеевой, А. В. Баженовой, А. Ю. Бабинцева 15 июня 2015 г. Капище предположительно занимало открытую к западной солнечной стороне площадку или склон высокого правого берега Убыти, левого притока Чепцы, приблизительно в 300–500 м к юго-востоку от современного моста через р. Убыть, западнее окраины бывшей д. Сыга (рис. 1, 2). Склоны возвышения поросли деревьями – елями, соснами, березами и кустарником, у её подошвы вытекает родник. В прежние времена это был мощный родник, на что указывает оставшаяся у его истока большая впадина. Вокруг сохранились остатки

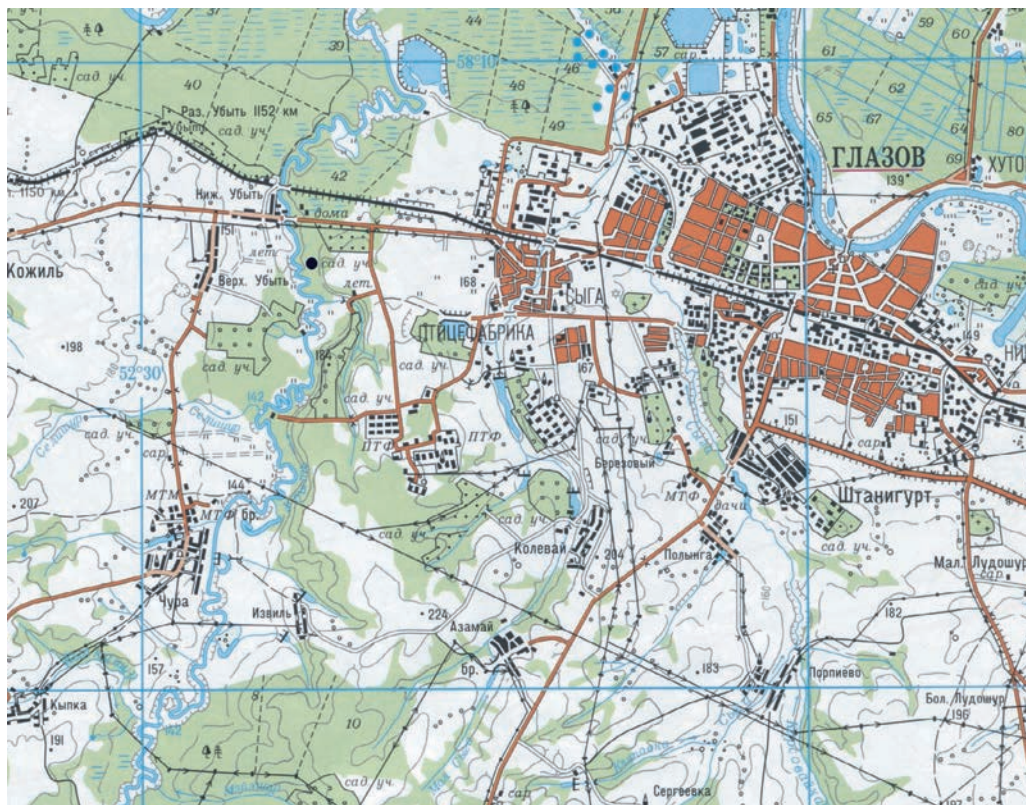

Рис. 1. Предполагаемое место расположения святилища Губервось в низовьях Убыти

Рис. 2. Вид на предполагаемое место расположения святылища Губервёсь в низовьях Убыти. Фото Н. И. Шутовой. 2015

деревянного сруба из досок или бревен, которым был обустроен исток родника. На обследованном участке леса часто встречаются растущие деревья с двойными и искривленными стволами. По свидетельству А. Ю. Бабинцева (1961 г. р.), его отец Ю. А. Бабинцев (1932 г. р.), житель д. Сыга, хорошо знал про эту местность, которую называли Губер. Он ещё помнил о сильном роднике и толстой сосне, которая росла на месте капища. Вблизи этой местности ныне располагается Сыгинское (Убытское) кладбище. Где-то возле кладбища прежде стояла часовня, относящаяся к Преображенскому собору г. Глазова.

Когда и в эти края стало проникать христианство, сакральное место возле устья Убыти подверглось разрушению. По сообщению миссионера Иосифа Стефанова (1799–1881 гг.), к 1838 г. здесь было уничтожено капище идола *губера*, для чествования которого делались ежегодные сборы денег. Такая же участь постигла деревенские [очевидно, семейные, патронимические/родовые] святылища в ближайших населенных пунктах. В д. Сыгинской были уничтожены две куалы, сожжены 11 воршудов рода Дурга, в дд. Нижняя и Верхняя Убыть куалу продали, а воршуд истребили [Луппов 1911а, 80]. Как пишет М. С. Фармаковский, «Болван этот сожжен иротоиереем Стефановым и теперь неznать и места, где пребывала святыня идолопоклонников» [Фармаковский 1879, 517].

Существуют две основные версии о местоположении святылища Губервёсь после его ликвидации в низовьях Убыти. Первая, изложенная Н. Г. Первухиным, свидетельствует, что его перенесли на 40 верст выше по течению Убыти, по ее правому берегу, в леса близ починка Мало-Венижского (ныне Юкаменский р-н УР). Новое жертвенное место разместили на сухой поляне посреди болота. На поляну вела узкая и незаметная тропинка. По рассказам стариков, на это общедумуртское святылище Великая куала – место моления целой округи, каждые

два года в большом количестве съезжались удмурты не только Глазовского, но и из других уездов Вятской губ. В 1850-х гг. само святилище и хранящийся здесь воршудный короб рода *Бигра*, имевший четырёхугольную форму и высоту более аршина, были сожжены парзинским священником П. Е. Мышкиным (1824–1906 гг.). По свидетельству священника, это был самый крупный короб из сожженных им, а он уничтожил более полусотни таких сакральных коробов. В Венижском коробе хранилось много деревянной посуды, преимущественно чашек. Кроме того, здесь же находились «круглые, неглубокие открытые лубочные коробки в значительном количестве; такие коробочки ... в древности заменяли собою тарелки» [Первухин 1888, I, 25–26, 29; II, 6–9].

По второй версии, после указанных событий местные удмурты перенесли своё общественное капище *Губервось* в верховья Парзи, левого притока Сепыча, впадающего в Чепцу. Как свидетельствует рассказ М. С. Фармаковского: «Когда этот идол, по распоряжению о. Стефанова, предан был пламени, вотяки [удмурты] ... сейчас же озаботились собрать пепел, оставшийся после сожжения, и, тщательно собранный, отправили к Порзинским вотякам [удмуртам, проживавшим в верховьях р. Парзи], обитающим в местности поныне лесистой, а тогда сплошным и огромным лесом покрытой. Село Верхпорзинское тогда не было еще открыто; действовать вотякам [удмуртам], в 30 верстах живущим от города, представлялась полная возможность, без опасения на последствия. И вот они на перенесенном пепле устроили себе нового идола. Слух об этом событии быстро распространился между вотяками [удмуртами], и они со всех сторон, из дальних местностей, стали ходить туда на поклонение и для жертвоприношений» [Фармаковский 1879, 518]. В обоих случаях речь идёт об одном и том же священном месте, которое располагалось в глухих местах между верховьями Парзи и речушками Шур-Шур и Кесшур, правыми притоками верхнего течения Убыти, приблизительно в 3–3,5 км от д. Малый Вениж.

Вследствие перенесения удмуртского капища в новую местность, вскоре здесь был открыт новый Верх-Парзинский приход, который возглавил Петр Мышкин. «Этот священник [Петр Мышкин] с самого начала своего поступления на Порзинский [Парзинский] приход разузнал обо всем, что, как и когда совершается в идольском капище и обо всем тут совершающемся донес протоиерею Стефанову. ... Предположено было поступить так же, как было поступлено раньше, т. е. и капище, и идола сожечь, пепел разсеять, а место, на котором он стоял, разработать под посев льна. Для этого, о. Стефановъ прибыл в Порзи, собрал вотяков [удмуртов] и предъявил им, что идол должен быть уничтожен. Но вотяки [удмурты] на этот раз оказались менее уступчивыми и замыслили свое. Пока продолжались увещания, той порой, по распоряжению вотских старшин, коноводов идолопоклонства, не вдали от капища, были приготовлены костры для сожжения самих проповедников....» [Фармаковский 1879, 518–519]. Однако в этот момент внезапно разразилась гроза, удмурты растерялись и не знали, что делать. Между тем священник Мышкин воспользовался замешательством, стал увещевать крестьян на удмуртском языке, которым он владел свободно и объявил, что если они не оставят своего намерения погубить ратующих за Христа, то Всевышний Бог поразит всех их гневом своим. Удмурты разбежались,

и «Губервось был разрушен, сожжен и место, занимаемое им, разработано под посев» [Фармаковский 1879, 519]. Последователь по делам инородческой миссии в Глазовском уезде Степан Крекнин (1853–1919 гг.) также писал, что, когда священники Иосиф Стефанов и Петр Мышкин в 1851 г. хотели уничтожить «языческое кереметище» [Великую куалу] в д. Вениже, язычники намеревались сжечь их на костре. В этот момент «разразилась страшная громовая туча, молния поразила дом главного вотского [удмуртского] жреца, и испуганные вотяки [удмурты] все разбежались» [Крекнин 1899, 663].

В рапорте самого участника этих событий священника Иосифа Стефанова от 1854 г. приведена следующая информация об окончательном уничтожении капища Губервось*: «...в истекшем июне месяце я, миссионер, выезжал двукратно Верхпарзинского прихода в поч. Вверх по Убыте над Венижем для предупреждения языческого моления Идолу Губеру. В первый раз 24 числа жители починка не только не убедились учением веры отворотиться от обрядов идолослужения, но и не сознались в своем заблуждении... В другой раз, 29 числа, достигнуто сознание их в том, что для жертвоприношения Губеру учреждены были два места, и одно из них за учреждением другого уже не употребляется... с согласия вотяков на том и другом месте совершены христианские молебствия с водосвятием, окроплением их освященною вместе с тем водою и с преданием огню как Вордшудда [воршудный короб], так и других принадлежностей...

В 24 число [в первый приезд] во время духовной беседы один из ближайших обывательских домов поражен был молнией. Во внезапном испуге из числа местных жителей Калинин Яковлев Ельцов заключил и немедленно внушил своим сообывателям, будто бы поражение последовало вследствие принимаемых приходским священником мер против существующих между ними родных религиозных обычаев. Почему все они, потеряв благоприличие и уважение к святому делу и не приступая к пораженному дому, бросились на священника с требованием, чтоб он прекратил мнимый пожар собственными средствами, и с угрозами, выражавшими готовность на буйство и уже обдуманное намерение... как бы обязывавшие его к снисхождению и угождению им. Но столь же внезапно перешли к новому изумлению, когда я, миссионер, и священник бросились в пораженный дом, и когда там никакого огня не оказалось, кроме следов его...

Но в то самое время, когда народ скопился на площади и принимал святые иконы для следования на место богослужения, того же племени отставной рядовой поч. Убытского Караула над ключом Роман Ворончихин ... объяснил мне, что вотские [удмуртские] обряды священы древностию и всегда сопровождаются плодородием; потом, отойдя от меня, тайно располагал вотяков к непослушанию; а когда началось самое шествие, тогда он, отходя в противоположную сторону, размахнулся руками и прокричал в слух другим: «Пропадай мое солдатское звание, а я не согласен». ... Во время перехода с одного мольбища, упраздненного, на другое, новое, поч. Вверх по Убыте над Венижем в звании младшего жреца вотьяк Иван Семенов Ельцов пред волостною межевою грани-

* Выражаю искреннюю благодарность к.и.н. Н. В. Пислегину за предоставленный документ и возможность использовать его в своей работе.

цею остановил шествие и объявил мне от имени общества, что поелику места за этою границею относятся к иной волости, именно Кочуковской, где ближайшие жители суть татары, а за ними русские крестьяне, то вотяки [удмурты] не знают, где и какие там находятся мольбища. Уже по некотором безмолвии старший жрец того же починка, вотяк [удмурт] Иван Семенов, держа на своих руках одну из икон и предшествуемый священником, двинулся за границу, в довольном расстоянии поворотил в лес – чрез ту же границу в обратном направлении – и пришел на отыскиваемое место, а по совершении молебствия торжественно объявил, что принадлежности мольбища, в числе которых и Вордшуд, в отсутствие его 24 числа сокрыты в лесу братьями первостатейного однодеревенца Дмитрия Семенова, который вследствие того немедленно и представил их и предал огню.

... в жертвоприношениях Губеру, в скорбных обстоятельствах жизни, иногда участвовали вотяки и отдаленных мест, и что новое мольбище устроено и отдалено вследствие того, что нынешний приходской священник стал принимать деятельнейшие меры предупреждения вотских обрядов. Судя по тому, что открытие Губера по перенесении его из Глазовского прихода соединено было с большим затруднением и совершилось почти чрез 20 лет, да и в настоящее время вотяки не все были согласны на обнаружение его, притом на стороне нераскаившихся остался и жрец Иван Ельцов.

В отвращение новых покушений на возобновление этого идолопоклонства нахожу полезным, во-первых, солдата Романа Ворончихина и жреца Ивана Ельцова подчинить основательному вразумлению духовного начальства; во-вторых, просить гражданское начальство об ограждении приходского священника от мщения; и в-третьих, предположить в предместиях поч. Вверх по Убыте над Венижем постройку церкви, ... с образованием нового прихода из окружающих селений приходов Верхпарзинского, Святогорского и Юкаменского...» [ЦГА УР. Ф. 189. Он. 1. Д. 56. С. 76–77].

В приведённом документе говорится о двух местах локализации капища Губервось: в верховьях рек Убыти и Парзи. Первое из них, очевидно, в верховьях р. Парзи вблизи современного поселения Парзинский Учхоз, в 4 км к юго-западу от с. Парзи, уже не функционировало, было заброшенным. Второе было действующим, располагалось западнее первого в глухих лесах, в верховьях мелких речушек правых притоков Убыти, ближе к поч. Вверх по Убыти над Венижем. Вовсе не случайно приезд священников (24 и 29 июня по ст. ст.) относится ко времени летнего солнцестояния, к которому было приурочено проведение больших общественных молений. Место моления уничтожали следующим образом. Поначалу совершали молебен с иконами и освящением воды, которой окропляли площадь капища; затем предавали огню строение куалы, воршудный короб и все остальные принадлежности. При этом молебен на всякий случай совершили как на заброшенном, так и на действующем священном месте. Обращает внимание факт отсутствия единогласия среди удмуртов относительно ликвидации языческой святыни: одни из них, в их числе младший жрец Иван Ельцов, выступали против уничтожения капища, а другие, в их числе старший жрец Иван Семенов, согласились со священниками и указали место его тайного расположения. В присутствии священников в селении случилась гроза, и молния поразила один из

Рис. 4. Вид на предполагаемое место расположения святилища Губервось в верховьях рек Парзи и Убыти. Фото Н. И. Шумовой. 2009

если ехать через д. Кесшур, от которой вела просёлочная дорога, вдоль неё еще растут деревья. Глазовский краевед Т. К. Поздеева (1953 г. р.), уроженка этих мест, полагает, что последнее место моления Губервось располагалось на старой пасеке возле Парзинского Учхоза. Она вспоминала: «Этот участок [место святилища] всегда ходили убирать от мусора, старых веток. Все субботники. Дни рождения всегда отмечали там. Не на самой поляне [сакральной части], а возле этого места. Там стоят две сосны. Я эту сосну [священную?] выделила/определила, возле нее пенек, она была сдвоенной. Я столько лет здесь прожила и никогда не обращала внимания на эту сосну. Сейчас сосна закрылась, обросла ивами. Однажды пошли туда за грибами. Я загадала – и набрала там огромные грибы, волнушки. Я поела их сырыми. С тех пор никогда не видала таких огромных. Пасеки здесь давно уже нет, ее перенесли в 1940-х гг. Около 100 лет назад она была. Где была куала – там поле, а склон лога, где была пасека, зарос. По периметру святилища росли липы. Куала была на месте вспаханного поля» (Т. К. Поздеева, 1953 г. р.).

По свидетельству местной жительницы В. Д. Волковой (1938 г. р.): «На [месте моления] Губервось стояла Быдзым куала. Когда я была маленькой, там еще были остатки постройки, стол. Где куала была – туда ходили бросаться, жертвовать [куяськыны ‘бросаться, жертвовать’], если заболели. Рядом с куалой возле сосны небольшая ложбинка – место опасное [ныне эта ложбинка поросла люпином]. Там небольшой ключ вытекает, нынче его затянуло. Там уже не лес – лесопосадка. Он был темный. Там «таскало», «чудилось». Мы играли там, один мальчик потерялся. Три дня его искали всем техникумом, не могли найти. Одна бабушка, его мать помолилась с яйцом, яичной лепешкой и заслонкой из

печи возле того места. На пенёк принесла лепешку, на это место. И его нашли на дереве. Там, на высоте полутора метров ствол дерева раздваивался. Он сидел на этой развилке, как на коне. Сказал, что его туда посадил «дедушка». Он приносил ему [мальчику] гостинцы, «кормил» его «сушками», «орехами» (заячьи кашки). На этом же месте потерялась жена лесника Кости. Неделю ее не было. Потом нашлась и сказала: «В фартуке сушки несусь», а там кашки звериные. Эта поляна [на священном месте] «не пускает». Хотела набрать травы поросёнку, трава сочная, зеленая. Но треск раздался страшный, молитвы стала читать. В 2008 г. я видела сон. На том месте, на горе я видела четырёх стариков. Они бородатые, в длинных зипунах с палками, шли молча. Они построили шалаш из веток, сучьев. Достали что-то из сумки и молились. Посадили саженец сосны. Это был ритуал».

Информант В. Д. Волкова (1938 г. р.) также помнила рассказы своего отца Волкова Николая Григорьевича (1888 г. р.) о том, как дед водил его на Губервось. Они начинали строить новый дом, предварительно сходили и помолились на Губервось, совершили там жертвоприношение. На этом месте вначале давали обет, а потом на любом поле резали быка и варили в котле, котел этот ещё и ныне сохранился. В 1940–1960-е гг. один старик из [д.] Озегвая [располагается в 5 км от Учхоза] тоже вспоминал, что ходил на моления с дедом или прадедом в эти места.

По мнению Т. К. Поздеевой, капище было основано среди болот на небольшой возвышенности, на поляне, недалеко находился родник. Из рассказов местных жителей стало известно, что рядом с капищем, среди болот располагалась и усадьба главного жреца, проводившего моления на нем. В сер. XVIII или XIX в. (?) вместе со своими сподвижниками он основал усадьбу на свободных землях. Построили дома, мельницу, дворы. Занимались осушением болот, земледелием. Собирались на общественные моления. Его дело продолжили его последователи (сыновья? внук?). Затем на месте усадьбы появился православный молитвенный дом, свой причт. Но вскоре о нем забыли. Открылась земская сельскохозяйственная школа, техникум, училище. Преобразования «преследовали» эти места. Сейчас здесь остались лишь деревья – немые свидетели той далекой истории, да два пруда [Поздеева 2009, 6].

Что понимается под идолом/болваном? Как уже было отмечено выше, данные русских письменных источников свидетельствуют, что на Чудь-Болванском (Никульчинском) городке стояли идолы, которые могли выполнять одновременно функции почитаемого божества и реперных точек. Однако остаётся неясным, существовал ли идол на капищах в устье Убыти и в верховьях Парзи и Убыти, или идолом миссионеры называли бревенчатое строение Великую куалу, воршудный короб с его содержимым? Поскольку М. С. Фармаковский настойчиво указывает на существование «идола», «истукана», «болвана», стоявшего на месте Губервось в низовьях Убыти вблизи д. Глазгурт, можно предполагать, что по аналогии с другими святыщами, здесь стоял какой-то деревянный столб или обрубок дерева, как знак, метка перенесённого с берегов Вятки дедовского капища. Затем он был уничтожен вместе с остальными сакральными атрибутами святылища. Что касается священного места Губервось

в верховьях рек Убыти и Парзи, то там в нач. 1850-х гг. уничтожали строения Великой куалы, воршудные коробы с их содержимым.

Поселение Парзинский Учхоз. По воспоминаниям В. Д. Волковой (1938 г. р.), о поселении Учхоз ей рассказала местная жительница Ксения Казакова (1901 или 1899 г. р.): «Казакова Ксения была старожилом посёлка. Там [в Учхозе], где сейчас пустырь между женским и мужским общежитием, стоял двухэтажный дом. Наверху жил «поп» [языческий жрец], прислугой у него была бабушка Казаковой Ксении. Как ей рассказывали в детстве, «поп» был очень хороший, добрый. У него была жена и маленькая девочка, с которой в детстве играла мать Ксении Казаковой – Наталья Михайловна. Её матери было 5 лет, когда дом этого «попа» подожгли. «Поп» был внуком того языческого жреца, который первым поселился в этих местах. Он учился в Риге. Все они – дед, сын и внук были очень хорошие. Все их хвалили. Они построили здесь коровник, мельницу. Очень верные были старым традициям. Однажды произошёл пожар, в результате поджога. Из дома вышли хозяин, жена и маленькая девочка – одеты они были во всё белое. После той ночи их больше никто не видел в этих местах. Ксения Казакова говорила, что парзинский «поп» [священник Петр Мышкин] сжѐг нашего [удмуртского] «попа» [жреца]».

В свое время в Учхозе располагался православный молитвенный дом с причтом, основанный в 1850 г. отцом Петром Мышкиным. Фактически Парзинский приход (с центром в с. Верх-Парзи) начинался именно с этого места в окружении лесов и болот, возле небольшой речушки Парзи. В ее верховьях был заложен первый дом, в котором и жил сам священник. В этом же доме проводились все православные обряды (он являлся одновременно и молитвенным домом). После строительства деревянной церкви в 1852 г. в с. Верх-Парзи этот дом использовали в качестве жилого помещения, а также здесь была открыта школа [Поздеева 2008, 7].

В 1880 г. священник Петр Мышкин в верховьях р. Парзи открыл первую на территории современной Удмуртии сельскохозяйственную школу с образцовой фермой, он же переводил книги по сельскому хозяйству на удмуртский язык [Удмуртская Республика 2011]. В последующем, в 1894 г. в двух верстах [в действительности в 4 км] от с. Парзи [на месте Парзинского Учхоза] Глазовского уезда на основе Нормального положения о низших сельскохозяйственных школах 1883 г. была открыта Глазовская (Парзинская) низшая сельскохозяйственная школа I разряда по подготовке специалистов для сельского хозяйства низшей квалификации. В 1909 г. её преобразовали в Глазовское низшее сельскохозяйственное училище, а школу в окрестностях Парзи превратили в крепкое учебно-производственное хозяйство комплексного типа [Кутявин 2000, 275]. По сведениям, собранным Т. К. Поздеевой, поселение Парзинский Учхоз не имело постоянного названия. Жители окрестных деревень называют его просто «Учхозом»; это сокращенное название прижилось с 1930-х гг., когда хозяйство являлось филиалом Глазовского сельхотехникума. Сельскохозяйственная школа фигурировала под названиями Парзинская сельскохозяйственная школа, Парзинский техникум, Парзинская ферма, Парзинское СПТУ № 7.

По воспоминаниям В. Д. Волковой (1938 г. р.): «В школе (фото 1930 г.) в Гражданскую войну был устроен лазарет. Ужас, как там «карзилось» [милось, чудилось]. Как будто кто-то ходил, все крючки отлетали, стульями сту-

чали, большими ногами стучал кто-то. Мы там жили во время Великой Отечественной войны. Говорили, это оттого, что языческий жрец – основатель этого поселка, он первый пришел сюда, завещал свой скелет школе. Может, от этого. Жительница Учхоза Ксения Казакова (1899 /1901 г. р.) говорила, что такое завещание он оставил сыну. Это было в папке, папка куда-то после исчезла. Нас пугали скелетом. Здесь были папки 1770 или 1752–1754 гг. (?) Были отчеты, как покупали саженцы. Директор Коробейников Евгений Александрович просил сдать это в архив. Где они теперь [отчёты]?»

О христианизации глазовских удмуртов и строительстве храмов. Проникновение христианства в эти края отмечено строительством храмов. Первая в этих краях церковь была возведена в 1741 г. в с. Елово (ныне Ярский р-н УР) и освящена во имя Св. Троицы. Заложил и основал церковь епископ Вятский и Великопермский Вениамин. В 1745–1748 гг. принято решение построить храмы в 11 селениях: в деревнях Верхнем Укане, Полومه, Понинской, Ежской, Глазовской (ныне г. Глазов), Кругловской, Балезинской, Чутырской, Дебесской, Пургинской и Ухтымской (или Верхокосинской, Караульской). В 1746 г. в д. Глазовской был основан первый православный приход [Луппов, 1999. С. 170]. Первая деревянная церковь в д. Глазовской (ныне г. Глазов УР) построена в 1750 г. на средства новокрещеных удмуртов и освящена во имя Вознесения Господня с приделом в честь Св. Николая Чудотворца. В 1793 г. завершено строительство небольшой каменной холодной церкви, в 1859 г. построен новый теплый храм, в 1879 г. на месте старой холодной церкви – новый более вместительный храм, который вскоре рухнул и вновь отстроен в 1887 г. С 1801 г. храм стали называть Вознесенско-Преображенским собором. В 1837 г. в состав прихода входили интересующие нас дд. Сыгинская, Нижняя Убыть, Верхняя Убыть, д. Парзинская, поч. Озегваевский, поч. Убытский Караул [Православные храмы 2000, 92–93]. При д. Нижней Убыти в 1891 г. построена деревянная часовня [Вятская епархия 1912, 165].

В окрестностях современного с. Парзи (первоначально д. Парзинская, затем Верх-Парзинская, удм. *Чебершур*) Глазовского уезда приход открыли в 1850 г. В 1850 г. был возведён молитвенный дом (в Учхозе – по Т. К. Поздеевой; в д. Главатских – по Г. А. Кочину). В 1852 г. в с. Верх-Парзи построена временная деревянная церковь, освященная во имя Св. Троицы. В состав прихода вошли интересующие нас поч. Вверх по Убыти над ключем Венижем, поч. Озегвайский [Православные храмы 2000, 73]. Каменная Троицкая церковь в с. Верхпарзинском построена в 1899 г. Приход состоял из 29 селений. В приходе числилось православных русских 575 муж., 636 жен., удмуртов – соответственно 3380 и 3315 чел., бесермян – 2 и 2 чел. [Вятская епархия 1912, 215].

Верх-Парзинский приход. По указу Священного Синода от 16 августа 1850 г., согласно представлению епископа Вятского Неофита, при «речке Парзи и ключе Чебершур» был открыт новый приход в селе Парзи, состоящий из 29 селений. Священником Парзинского прихода был назначен отец Петр Мышкин, окончивший Вятскую Духовную Семинарию. В октябре 1850 г. он принимает сан священника и переезжает на берега реки Парзи. Прибыв на новое место службы, Петр поселился в деревне Главатских [в 2,5 км от Учхоза], в избе удмурта. Через год отец Петр «на свои средства построил маленький домик в три

окна в той же деревне и перевез к себе жену». В деревне батюшка при помощи крестьян «в глухом лесу, на горе» возвел молитвенный дом [возможно, именно в Учхозе, как полагает Т. К. Поздеева]. Место для храма было отведено за 4 версты от кладбища, где священник отпевал покойников. В сентябре 1851 г. инородческий миссионер и Глазовский благочинный протоиерей Иосиф Стефанов указал другое место для села – при деревне Чебершур, «в двух верстах от первого места». Это место отец Иосиф избрал потому, что «здесь было языческое кереметище, и ему хотелось уничтожить его бесследно. На кереметище и был построен деревянный храм». Здесь же Петр выстроил себе второй дом, а первый пожертвовал на устройство новой церкви [Кочин 2016, 140–141].

Заключение. Итак, исторические и фольклорно-этнографические материалы свидетельствуют, что на берегу Вятки у средневековых удмуртов существовало два святилища: одно на площадке Вятского городища в черте современного г. Кирова, а другое – на Никульчинском городище. Судя по всему, капище с Вятского городища было перенесено в северо-восточном направлении в леса в окрестностях дд. Омсино-Красногорье (Круглово, Чола). Святилище с площадки Никульчинского городища, на котором стояли деревянные и каменные идолы (рус. *болваны*), переместили в восточном направлении. Какое-то время оно располагалось в лесах, окружающих г. Вятку/Хлынов. К сожалению, ныне это место локализации капища невозможно отыскать. Затем его переместили в низовья р. Убыти, левого притока р. Чепцы в окрестности д. Глазгурт (соврем. г. Глазов). Именно здесь его существование зафиксировали православные миссионеры. После ликвидации священного места священником Иосифом Стефановым в 1838 г. его остатки были тайно размещены удмуртами в верховьях рек Парзи и Убыти, в окрестностях современного поселения Парзинский Учхоз как капище рода Бигра. Скорее всего, представители рода Бигра являлись главными хранителями святыни, из этого же рода выбирали главного жреца капища. Фактически оно имело статус общественного святилища северных или глазовских (преимущественно среднечепецких, отчасти ниже- и верхнечепецких) удмуртов. В молениях на Гербервось принимали участие не только жители окрестных селений – Кесшур, Озегвай, Главатских, Отогурт, Удмуртский Караул, Малый Вениж, поч. Вверх по Убыти над Венижем, но и посланцы из отдаленных территорий.

Для устройства священных мест и проведения религиозных церемоний удмурты специально выбрали скрытные для посторонних людей и труднодоступные места. Православные миссионеры вели систематическую работу по ликвидации капищ и искоренению языческих обрядов, поэтому место локализации святилища Губервось в верховьях рек Убыти и Парзи неоднократно менялось, чтобы спасти от уничтожения. По мере уничтожения одного места, основывалось другое, в более глухих недоступных местах. Постройка Великая куала, возле которой совершались крупные общественные моления, длительное время располагалась в окрестностях Парзинского Учхоза. Окончательно капище было уничтожено священниками Иосифом Стефановым и Петром Мышкиным в нач. 1850-х гг, а место его расположения разработано под пашню.

Первоначально средневековое капище на Никульчинском городище служило одновременно святилищем и древней «обсерваторией» с идолами-репер-

ными точками. В последующем, вследствие его неоднократного перемещения в глухие леса и болота, функции как обсерватории были утеряны. Однако его значимость и общественный статус как святылища большой этнотерриториальной группы удмуртского населения сохранился со времен средневековья до сер. XIX в. Несмотря на процессы христианизации, борьбы с дохристианскими традициями и верованиями, организацию православных приходов около дд. Глазовской (1746 г.) и Парзинской (1850 г.), местные жители помнили о местах локализации святылища Губервось, эти места почитали, ухаживали за ними, с этим местами связаны различные предания и суеверия.

ИНФОРМАНТЫ

Бабинцев Александр Юрьевич, удм., 1961 г. р. род. в д. Сыга (удм. *Сэзэ*), прожив. в г. Глазове.

Волкова Валентина Дмитриевна, 1938 г. р., род. в д. Парзинский Учхоз или на хуторе Вениж, мама удм., отец рус.

Поздеева Татьяна Константиновна, удм., 1953 г. р., род. в д. Парзинский Учхоз, ныне прожив. в г. Глазове.

Казакова Ксения, удм., 1899 г. р. (по записям в похозяйственной книге) или 1901 г. р. (по записям в метрической книге), род. в д. Парзинский Учхоз.

ЛИТЕРАТУРА

Балыбердин А. Г., прот. Град Болван. 24 июля 1181 г. Битва за Вятку // Обретение святых – 2013: сб. материалов V Межрегион. церковно-науч. конф. Г. Киров [Вятка]. 14 октября 2013 г. Киров: Лобань, 2014. С. 27–54.

Балыбердин А. Г., прот. Солнце над Вяткой или как Свистопляска стала свистуньей // Обретение святых – 2015: сб. материалов VII Межрегион. церковно-науч. конф. Г. Киров [Вятка]. 17–18 октября 2015 г. Киров: Лобань, 2016. С. 77–83.

Владыкин В. Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск: Удмуртия, 1994. 384 с.

Вятская епархия. Историко-географическое и статистическое описание / Сост. Н. В. Кибардин, В. И. Шабалин. Вятка, 1912. 665 с.

Гаврилов Б. Произведения народной словесности, обряды и поверия вотяков Казанской и Вятской губерний. Казань: Типогр. А. А. Коковиной, 1880. 190 с.

Гуссаковский Л. П. Из истории русской Вятки // Европейский север в культурно-историческом процессе (к 625-летию г. Кирова) / Отв. ред. В. В. Низов; материалы для публ. подгот. Л. А. Сенникова. Киров: КОГУП Киров. обл. типогр., 1999. С. 32–40.

Иванов А. Г. Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху средневековья (конец V – первая половина XIII в.). Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1998. 309 с.

Иванов А. Г. Пути сообщения и поселенческие центры X–XIII вв. на Чепце // Труды Камской археолого-этнографич. экспедиции / Под ред. А. М. Балавина. Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2001. С. 99–104.

Карпова Л. Л. Среднечепецкий диалект удмуртского языка: образцы речи. Ижевск, 2005. 581 с.

Кочин Г. А. Судьба Свято-Троицкого храма села Верх-Парзи Глазовского уезда Вятской губернии // Обретение святых – 2015: сб. материалов VII Межрегион. церковно-науч. конф. г. Киров [Вятка]. 17–18 октября 2015 г. Киров: Лобань, 2016. С. 139–149.

Крекнин С. Вотяки Глазовского уезда и краткий очерк христианской миссии среди них // Вятские епархиальные ведомости. Отд. неофиц. 1899. 1 июня (№ 11). С. 550–551; 1 июля (№ 13). С. 662–664.

Кутявин А. Н. Глазовская (Парзинская) низшая сельскохозяйственная школа I разряда // Удмуртская Республика: Энци. Ижевск: Изд-во «Удмуртия», 2000. С. 275.

Луппов П. Н. Христианство у вотяков в первой половине XIX в. Вятка: Губерн. Типография, 1911. 642 с.

Луппов П. Н. Материалы для истории христианства у вотяков в первой половине XIX в. // Труды ВУАК. Вятка, 1911а. Вып.3. 318 с.

Луппов П. Н. Христианство у вотяков со времени первых исторических известий о них до XIX в. / Отв. за выпуск М. В. Гришкина; предисл., примеч. и коммент. М. В. Гришкиной. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1999. 390 с.

Макаров Л. Д. Отчет об исследованиях на Средней Вятке в пределах Слободского, Котельничского, Халтуринского и Юрьянского районов Кировской области, проведенных летом 1979 года. Архив ИА РАН. Р-1, № 7465.

Макаров Л. Д. Отчет об исследованиях на Средней Вятке в пределах Слободского, Котельничского и Даровского районов Кировской области, проведенных летом 1981 года. Архив ИА РАН. Р-1, № 8613.

Низов В. В. Небесные покровители новгородских ушкуйников // Церковная археология. СПб.: Псков, 1995. С. 119–125.

Останина Т. И. Кирбинское городище на р. Меше // Finno-Ugrica. 2001–2002. № 1 (5–6). С. 15–43.

Останина Т. И. Культурный памятник около д. Гавриловки на р. Сиве (Воткинский район Удмуртской Республики) // Культурные памятники Камско-Вятского региона: Материалы и исследования. Ижевск, 2004. С. 67–89.

Первухин Н. Г. Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда: В 5-ти эск. Вятка, 1888–1890. Эск. I. 105 с.; Эск. II. 141 с.

Повесть о стране Вятской (Вятский летописец) // Труды ВУАК 1905 года. Вятка, 1905. Вып. III. Отдел II. С. 22–53.

Поздеева Т. К. Загадка нашего края // Иднакар. Общественно-политическая газета северных удмуртов. 23 апреля 2009. № 28. С. 6.

Поздеева Т. К. Поселок без названия // Иднакар. Общественно-политическая газета северных удмуртов. 24 июля 2008. № 54 (2010). С. 7.

Православные храмы Удмуртии: Справочник указатель по документам ЦГА УР / Сост. И. Н. Зайцева, Г. И. Самарцева. Ижевск: Удмуртия, 2000. 480 с.

Пятницкая церковь в Вятке // Архитектурное наследие: URL. Режим доступа: <https://arch-heritage.livejournal.com/1161889.html> (Дата обращения 03.04.2018).

Спицын А. А. Приуральский край. Археологические розыскания о древнейших обитателях Вятской губернии // МАВГР. М.: Типогр. Э. Лиссвера и Ю. Романа, М. Г. Волчанинова, 1893. Вып. I. 222 с.

Удмуртская Республика: Просвещение, образование и педагогическая мысль [Эл. ресурс]: Энци. / УИИЯЛ УрО РАН; гл. ред. А. Е. Загребин; сост. С. Д. Смирнова. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2011.

Фармаковский М. С. Из отчета Глазовского миссионера за 1878 год // ВЕВ. 1879. № 19. 1-го октября. С. 481–497; № 20. 16-го октября. С. 507–520; № 21. 1-го ноября. С. 523–542.

ЦГА УР. Ф. 189. Оп. 1. Д. 56. Благодичный Глазовского Преображенского собора г. Глазова. Рапорты священников, ведомости о нравственном состоянии удмуртов. Т. 2. 1852–1854. Л. 76–77об.

Шутова Н. И. Дохристианские культовые памятники в удмуртской религиозной традиции: Опыт комплексного исследования. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2001. 304 с.

Шутова Н. И. Проблема изучения сакрального ландшафта в Камско-Вятском регионе // Геокультурное пространство Европейского Севера: генезис, структура, семантика = Geocultural space of European North: genesis, structure, semantics / сост. А. Н. Комолятова и др.; отв. ред. Н. М. Терехин. Архангельск: С(А)ФУ, 2011. С. 119–130. (Поморские чтения по семиотике культуры = Pomor readings on semiotics of culture; вып.5).

Шутова Н. И., Сенникова Л. А. Культурный ландшафт Вятского бассейна в эпоху средневековья: к постановке проблемы // Поморские чтения по семиотике культуры: Вып. 3: Сакральная география и традиционные этнокультурные ландшафты народов Европейского Севера. Архангельск: Поморский ун-т, 2008. С. 299–313.

Поступила в редакцию 25.04.2018

Шутова Надежда Ивановна,
доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник,
Удмуртский институт истории, языка и литературы, УдмФИЦ УрО РАН
426004, Россия, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4
e-mail: nad_shutova@mail.ru

N. I. Shutova

The shrine of Gerbervos' (Gubervos') of the Northern (Glazov) Udmurts: term etymology, history, location, social status

The paper deals with the history of the sanctuary Gerbervos' / Gubervos' used by Northern (Glazov) Udmurts in their religious practices. There were two medieval Udmurt shrines on the Vyatka River: one of them, earlier located in the Vyatka fortified settlement in the territory of present-day city of Kirov, was later transported to the north-east to the vicinity of the Omsino and Krasnogorye villages (Slobodskoy district of the Kirov oblast); the other one was located in the Nikulchino (Chud-Bolvansky) fortified settlement and performed the functions of both a tribal shrine and "an observatory" for the local population. A massive agrarian praying event was held in honor of the deity Mu-Kylchin there. After the capture of Chud-Bolvansky settlement, the shrine was moved by Udmurts to the east, initially to the lower reaches of the Ubyt' River, in the vicinity of the modern Glazov city, and then to the headwaters of the Ubyt' and Parsi Rivers, in the vicinity of the Parzi Uchkhos settlement. In academic literature this shrine is known as Gubervos' ('provincial praying'). In its new location the shrine lost its function as "an observatory", although preserved its status of a sanctuary of special significance among Northern (Glazov) Udmurts. The paper analyzes the stages and methods of destroying the shrine during the Christianization of Northern Udmurts as well as the practice of fighting against traditional rituals and cults. The paper contains an attempt to interpret the name of the shrine as the modification of the word Udmurt 'Gerbervos' which means a massive praying event during the summer feast of Gerber organized to mark the end of ploughing period; the interpretation is supported by the appropriate arguments.

Keywords: fortified settlement of Nikulchino, medieval shrine, Northern Udmurts, Cheptsya River, sanctuary of Gubervos'/Gerbervos', social significance, Christianization, destruction of the sacred place.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2018, vol. 12, issue 2, pp. 129–152. In Russian.

REFERENCES

Balyberdin A. G., prot. Grad Bolvan. 24 yilia 1181 g. Bitva za Viatku [Burg Bolvan. July 24, 1181. Battle for Vyatka]. *Obretnie sviatykh – 2013* [Finding Saints – 2013]. Kirov, Loban' Publ., 2014, pp. 27–54. In Russian.

Balyberdin A. G., prot. Solntse nad Viatkoi ili kak Svistoplyaska stala svistun'ei [The sun over Vyatka or how Svistoplyaska became Svistun'ey]. *Obretnie sviatykh – 2015* [Finding Saints – 2015]. Kirov, Loban' Publ., 2016, pp. 77–83. In Russian.

Vladykin V. E. *Religiozno-mifologicheskaya kartina mira udmurtov* [Religious-Mythological World-View of Udmurts]. Izhevsk, "Udmurtia" Publ., 1994. 384 p. In Russian

Viatskaia eparkhiia. Istoriko-geograficheskoe i statisticheskoe opisanie [Vyatka eparchy. Historical, geographical, and statistical description]. Sost. N. V. Kibardin, V. I. Shabalin. Viatka, 1912. 665 p. In Russian.

Gavrilov B. *Proizvedeniya narodnoy slovesnosti, obryady i pover'ya votyakov Kazanskoy i Vyatskoy guberniy* [Specimen of Folk Literature, Rituals and Beliefs among Votyaks <Udmurts> of Kazan' and Vyatka Provinces]. Kazan', 1880. 190 p. In Russian.

Gussakovskii L. P. Iz istorii russkoi Viatki [From the history of the Russian Vyatka]. *Evropeiskii sever v kul'turno-istoricheskom protsesse (k 625-letiiu g. Kirova)* [European North in the cultural and historical process (to the 625th anniversary of the Kirov town. Kirov, KOGUP Kirov province Publ., 1999, pp. 32–40. In Russian.

Ivanov A. G. *Etnokul'turnye i ekonomicheskie svyazi naseleniya basseyna r. Cheptsy v epokhu srednevekov'ya (konets V – pervaya polovina XIII v.)* [Ethnocultural and economic contacts of the Cheptsya River basin population during the Middle Ages (late 5th – the first half of the 13th centuries]. Izhevsk, Udmurt Institute of History, Language and Literature, Ural Branch Russian Academy of Science Publ., 1998, 309 p. In Russian.

Ivanov A. G. Puti soobshcheniia i poselencheskie tsentry X–XIII vv. na Cheptse [Ways of communication and settlement centers in the 10–13th centuries at the Cheptsya River basin]. *Trudy Kamskoi arkhologo-etnograficheskoi ekspeditsii* [Proceedings of the Kama Archeological and Ethnographic Expedition]. Perm', Perm' State Pedag. Universite Publ., 2001, pp. 99–104. In Russian.

Karpova L. L. *Leksika severnogo narechiya udmurtskogo yazyka: Srednechepetskii dialect* [Lexicon of the Northern dialect of the Udmurt language: Middle Cheptca dialect]. Izhevsk, 2013. 581 p. In Udmurt and Russian.

Kochin G. A. Sud'ba Sviato-Troitskogo khrama sela Verkh-Parzi Glazovskogo uezda Viatskoi gubernii [The fate of the Holy Trinity Church in the village of Verkh-Parzy in the Glazov County of the Vyatka Province]. *Obretnie sviatykh – 2015* [Finding Saints – 2015]. Kirov, Loban' Publ., 2016. pp. 139–149. In Russian.

Kreknin S. Votiaki Glazovskogo uezda i kratkii ocherk khristianskoi missii sredi nikh [Votyaks <Udmurts> of the Glazov County and the brief sketch of a Christian mission among them] // *Viatskie eparkhial'nye vedomosti* [The Vyatka eparchial sheets]. 1899. № 11, pp. 550–551; № 13, pp. 662–664. In Russian.

Kutiavin A. N. Glazovskaia (Parzinskaia) nizshaia sel'skokhoziaistvennaia shkola I razriada [The Glazov (Parzi) lowest agricultural school of the first category] // *Udmurtskaia Respublika: Entsiklopediia* [Udmurt Republic: Encyclopedia]. Izhevsk, Udmurtiya, 2000, p. 275. In Russian.

Lupov P. N. Khristianstvo u votyakov v pervoy polovine XIX v. [Christianity among the Votyaks <Udmurts> during the first half of the 19th century]. *Trudy vyatskoy uchenoy arkhivnoy Komissii* [Proceedings of Vyatka Scholarly Archive Committee]. Vyatka, 1911, issue 1–2. 642 p. In Russian.

Lupov P. N. Materialy dlia istorii khristianstva u votiakov v pervoi polovine XIX v. [Materials on the Christianity history among the Votyaks <Udmurts> in the first half of 19th

century] // *Trudy vyatskoy uchenoy arkhivnoy Komissii* [Proceedings of Vyatka Scholarly Archive Committee]. Vyatka, 1911a, issue.3. 318 p. In Russian.

Luppov P. N. *Khristianstvo u votyakov so vremeni pervykh istoricheskikh izvestii o nikh do XIX v.* [Christianity among the Votyaks <Udmurts> since the first knowledge about them up to the 19th century]. Izhevsk, UIIIaL UrO RAN Publ., 1999. 390 p. In Russian.

Makarov L. D. *Otchet ob issledovaniiax na Srednei Viatke v predelakh Slobodskogo, Kotel'nichskogo, Khalturinskogo i Iur'ianskogo raionov Kirovskoi oblasti, provedennykh letom 1979 goda* [The report on the investigations in the Middle Vyatka within the Slobodskoj, Kotelnich, Khalturino and Yur'ya districts of the Kirov province, conducted in the summer of 1979]. Arkhiv IA RAN. R-1, № 7465. In Russian.

Makarov L. D. *Otchet ob issledovaniiax na Srednei Viatke v predelakh Slobodskogo, Kotel'nichskogo i Darovskogo raionov Kirovskoi oblasti, provedennykh letom 1981 goda* [The report on the investigations in the Middle Vyatka within the Slobodskoj, Kotelnich, and Darovskoy districts of the Kirov province, conducted in the summer of 1981]. Arkhiv IA RAN. R-1, № 8613. In Russian.

Nizov V. V. *Nebesnye pokroviteli novgorodskikh ushkuinikov* [Heavenly patrons of the Novgorod ushkuyniks] // *Tserkovnaia arkheologiya* [Church archeology]. S-Petersburg: Pskov, 1995, pp. 119–125. In Russian.

Ostanina T. I. *Kirbinskoe gorodishche na r. Meshe* [The Kirbi fortified settlement at the Mesha River] // *Finno-Ugrica*. 2001–2002, № 1 (5–6), pp. 15–43. In Russian.

Ostanina T. I. *Kul'tovyi pamiatnik okolo d. Gavrilovki na r. Sive (Votkinskii raion Udmurtskoi Respubliki)* [Cult monument near the village of Gavrilovka at the Siwa River (Votkinsk district of the Udmurt Republic)]. *Kul'tovye pamyatniki Kamsko-Vyatskogo regiona: Materialy i issledovaniya* [Cult monuments of the Kama-Vyatka region: Proceedings and Reseaches]. Izhevsk, Udmurt Institute of History, Language and Literature, Ural Branch Russian Academy of Science Publ., 2004, pp. 67–89. In Russian.

Pervukhin N. G. *Eskizy predanii i byta inorodtsev Glazovskogo uezda* [Sketches on legendry and everyday life of minorities of Glazov county]. Sketches. The 1st Sketch. 105 p.; The 2nd Sketch. 141 p. Vyatka, 1888. In Russian.

Povest' o strane Viatskoi (Viatskii letopisets) [The story about the Vyatka country (The Vyatka chronicler)] // *Trudy vyatskoy uchenoy arkhivnoy Komissii* [Proceedings of Vyatka Scholarly Archive Committee]. Vyatka, 1905. Vyp. III. Otdel II, pp. 22–53. In Russian.

Pozdeeva T. K. *Zagadka nashego kraia* [Riddle of our land] // *Idnakar. Obshchestvenno-politicheskaia gazeta severnykh udmurtov* [Idnakar. Social and political newspaper of the northern Udmurts]. 23 April 2009, № 28, p. 6. In Russian.

Pozdeeva T. K. *Poselok bez nazvaniia* [The settlement without name] // *Idnakar. Obshchestvenno-politicheskaia gazeta severnykh udmurtov* [Idnakar. Social and political newspaper of the northern Udmurts]. 24 July 2008, № 54 (2010), p. 7. In Russian.

Pravoslavnye khramy Udmurtii: Spravochnik ukazatel' po dokumentam Tsentral'nogo gosudarstvennogo arkhiva Udmurtskoi respubliki [Orthodox churches of Udmurtia: Directory index of documents in the Central State Archives of the Udmurt Republic]. Sost. I. N. Zaitseva, G. I. Samartseva. Izhevsk, Udmurtiya, 2000. 480 p. In Russian.

Piatnitskaia tserkov' v Viatke [Pyatnitsky church in Vyatka] // *Arkhitekturnoe nasledie* [Architectural heritage]: URL: <https://arch-heritage.livejournal.com/1161889.html> (accessed 03.04.2018.) In Russian.

Spitsyn A. A. *Priural'skii kraj. Arkheologicheskie rozyskaniia o drevneishikh obitatel'akh Viatskoi gubernii* [Cis-Ural region. Archaeological investigations about the ancient inhabitants of Vyatka province ancient inhabitants in the Vyatka province] // MAVGR. Moscow: E. Lissvera, Iu. Romana, M. G. Volchaninova Publ., 1893, Vol. 1. 222 p. In Russian.

Udmurtskaia Respublika: Prosveshchenie, obrazovanie i pedagogicheskaja mysl'. Elektronnyi resurs. Entsiklopediia [Udmurt Republic: Enlightenment, education and pedagogical thought. Electronic resource. Encyclopedia]. Izhevsk: UIIIaL UrO RAN Publ., 2011. In Russian.

Farmakovskii M. S. Iz otcheta Glazovskogo missionera za 1878 god [From the report of the Glazov missionary for 1878]. *Viatskie eparkhial'nye vedomosti* [The Vyatka eparchial news]. 1879. № 19, pp. 481–497; № 20, pp. 507–520; № 21, pp. 523–542. In Russian.

TsGA UR [Central State Archive of the Udmurt Republic]. F. 189. On. 1. D. 56. Blagochinnyi Glazovskogo Preobrazhenskogo sobora g. Glazova. Raporty sviashchennikov, vedomosti o npravstvennom sostoianii udmurtov [Head of Glazov Transfiguration Cathedral of Glazov city. Official reports of priests, sheets about moral state of Udmurts]. Vol. 2, 1852–1854, pp. 76–77. In Russian.

Shutova N. I. *Dokhristianskie kul'tovye pamyatniki v udmurtskoy religioznoy traditsii: Opyt kompleksnogo issledovaniya* [Pre-Christian worship monuments in the Udmurt religious tradition: Probes on complex studies]. Izhevsk, Udmurt Institute of History, Language and Literature, Ural Branch Russian Academy of Science Publ., 2001, 304 p. In Russian.

Shutova N. I. Problema izucheniya sakral'nogo landshafta v Kamsko-Vyatskom regione [Problem of study on the sacral landscape of the Kama-Vyatka region] // *Geokul'turnoe prostranstvo Evropeiskogo Severa: genesis, struktura, semantika = Geocultural space of European North: genesis, structure, semantics*. Arkhangel'sk: S(A)FU Publ. 2011. S. 119–130. In Russian.

Shutova N. I., Sennikova L. A. Kul'turnyi landshaft Viatskogo basseina v epokhu srednevekov'ia: k postanovke problemy [Cultural Landscape of the Vyatka Basin in the Middle Ages: to the Problem Statement] // *Pomorskie chteniia po semiotike kul'tury: Vyp. 3: Sakral'naia geografiia i traditsionnye etnokul'turnye landshafty narodov Evropeiskogo Severa* [Pomor Readings on the Semiotics of Culture: Vol. 3: Sacral geography and traditional ethnocultural landscapes of the peoples of the European North]. Arkhangel'sk, Pomorskii university Publ., 2008, pp. 299–313. In Russian.

Received 25.04.2018

Shutova Nadezhda Ivanovna,

Doctor of Science (History), Leading Researcher,
Udmurt Institute of History, Language and Literature, UdmFRC UB RAS
4, ul. Lomonosova, Izhevsk, 426004, Russian Federation
e-mail: nad_shutova@mail.ru